

Объятия Фан Наньшаня были горячими и крепкими.

Сюй Шэнъи, поддавшись минутной слабости, прислонил голову к его широкой груди.

Он помнил, как в детстве отец так же носил его на руках. Тогда ему казалось, что эти руки – самое тёплое и безопасное место в мире.

Но потом родители разошлись. Когда мать уходила из дома, ей позволили забрать лишь маленький узелок с вещами, не говоря уже о сыне.

Он помнил ночь перед её уходом: мама просила его беречь себя и обещала, что обязательно вернется и заберет его.

Но стоило ей уйти, как Сюй Синцай совсем распоясался. За год он привел в дом пять или шесть наложниц.

Все эти жены, наложницы и прислужницы смотрели на мальчика холодными, злыми глазами. Хоть он и считался молодым господином дома Сюй, он был всего лишь ребёнком, и ему частенько доставалось от них – и в открытую, и исподтишка.

Сюй Шэнъи помнил, как его впервые выпороли из-за того, что одна из наложниц потеряла ребёнка. Она во все горло кричала, что это Сюй Шэнъи толкнул её, а служанки в один голос лжесвидетельствовали против него.

Оправдаться он не мог, и ему пришлось проглотить эту обиду.

Позже старуха-бабушка под предлогом его «несносного нрава» забрала его на воспитание в Чанмин.

Ребёнок, которому не было и десяти лет, покинул родной дом и оказался в чужом месте. Ночи там были беспросветно чёрными, а надзиратели частенько поколачивали его втайне от всех.

В те времена он плакал каждый день, а по ночам грезил об объятиях матери и отца.

Сюй Шэнъи потер лоб. Наверное, он сегодня действительно устал. А может быть, дело в том, что его так давно никто не носил на руках, и он невольно поддался этому искушению.

Захотелось хоть на миг подольше остаться в этих объятиях.

— Супруг мой, что с тобой? — Фан Наньшань почувствовал, что тело мужа стало горячим, а лицо побледнело.

Сюй Шэнъи покачал головой.

— Наверное, я сегодня слишком утомился. Голова кружится.

Фан Наньшань молча, быстрым шагом донес его до кровати:

— Вид у тебя совсем нездоровый.

Он бережно уложил Сюй Шэнъи и укутал одеялом.

В постели, согретой теплом Фан Наньшаня, Сюй Шэнъи стало легче, и он поглубже зарылся в мягкие покровы.

Фан Наньшань сбегал в ванную за чистой одеждой.

— Скорее, надень что-нибудь.

Сюй Шэнъи в своей манере поддразнил его:

— Зачем? Всё равно ведь раздеваться?

Фан Наньшань цыкнул:

— Да у тебя жар, ты весь горишь! Неужели не чувствуешь, как тебе плохо?

Сюй Шэнъи опешил:

— Жар?

Фан Наньшань присел на край кровати и осторожно помог ему одеться.

— Полежи спокойно, я пойду за лекарем.

Он уже собрался уходить, когда Сюй Шэнъи почти инстинктивно схватил его за руку:

— Пусть Сяо У-цзы сходит. Остайся со мной.

Фан Наньшань сжал его руку, возвращая её под одеяло:

— Хорошо, лежи. Я только распоряжусь и мигом вернусь.

Устроив мужа, Фан Наньшань бегом бросился к Сяо У-цзы. Ночь была в разгаре, но в западном двореке вовсю слышались торопливые шаги.

Сюй Шэнъи ещё успел ответить на вопросы лекаря, но пока готовили отвар, он окончательно впал в забытие. Тело пылало, дыхание стало тяжёлым.

Фан Наньшань, снедаемый тревогой, дежурил у постели, то и дело меняя холодные компрессы на лбу мужа.

А-Юань тоже в волнении присел рядом.

— Это я виноват. Наверное, гэ-эр слишком долго мылся и простудился.

Фан Наньшань выжал очередную тряпицу:

— Не вини себя. Это моя вина, мне нужно было следить за ним у дверей ванной.

А-Юань подул на чашку с лекарством. — Что же делать? Хозяин наверняка опять будет меня бранить за то, что плохо приглядел за гэ-эром.

Фан Наньшань посмотрел на этого десятилетнего мальчишку и подбодрил:

— Не бойся. Когда твой хозяин проснется, он тебя в обиду не даст.

А-Юань сокрушенно глядел на мечущегося в бреду Сюй Шэнъи:

— Гэ-эр уже сто лет не болел. Наверное, сегодня так расстроился из-за всего этого.

С этими словами А-Юань отставил чашку и потянулся поправить одеяло на Сюй Шэнъи.

Фан Наньшаню почему-то не хотелось, чтобы тот его трогал. — Вынеси лекарство во двор, пусть остынет. Здесь я сам справлюсь.

Рука А-Юаня замерла в воздухе.

Он поднялся, взял чашку и поплелся во двор, ворча под нос:

— Зачем прогонять-то? Раньше-то я всегда за гэ-эром ухаживал. Неужто ты лучше меня умеешь?

Фан Наньшань слышал его ворчание, но не ответил. Он снова прикоснулся губами ко лбу Сюй Шэнъи, проверяя температуру.

Было очень жарко – так жарко, что у него самого губы запекло.

Он вздохнул:

— До чего же раскалился, как только мог так сильно заболеть?

Фан Наньшань не находил себе места и выбежал во двор.

— Давай отвар мне. А сам ступай в восточный дворик, жди там лекаря. Как закончит отчет перед господином Сюем – сразу води его сюда. Если жар у гэ-эра И не спадет, придется ставить иголки.

А-Юань кивнул и бегом бросился прочь.

Горькое лекарство уже остыло. Фан Наньшань вернулся в комнату и попробовал поить мужа с ложечки. Но стоило влить хоть каплю – Сюй Шэнъи начинал мучительно кашлять.

Видя, что больше лекарства проливается, чем попадает внутрь, Фан Наньшань решился на крайнюю меру. Он набрал отвар в рот.

Он видел, как его мать поила так младшую сестренку, когда та была совсем крохой и наотрез отказывалась пить горькое снадобье. Другого выхода не было.

Если это помогало детям, то поможет и взрослому.

Фан Наньшань, удерживая лекарство во рту, притянул Сюй Шэнъи к себе. Тело мужа обжигало, а руки и ноги были ледяными. Фан Наньшань знал: такой озноб при сильном жаре – дурной знак; если температура не упадет, последствия могут быть страшными.

Забыв обо всем, он обхватил лицо Сюй Шэнъи и прильнул к его губам.

Сухие, горячие губы были податливы.

Конечно, момент был совсем не подходящий для нежностей. Однако способ подействовал: Сюй Шэнъи сделал несколько глубоких глотков.

Только когда муж проглотил лекарство, Фан Наньшань немного успокоился. Глянув в чашку и увидев, что на дне ещё осталось, он рассудил, что лекарства нынче дороги и нечего добру пропадать – надо допить всё.

Но стоило ему набрать в рот остатки горькой жижи, как Сюй Шэнъи вдруг заговорил:

— Ты что, проголодался? Зачем даже осадок от лекарства в рот тянешь?

От неожиданности Фан Наньшань громко сглотнул всю порцию горечи.

— ...

У Сюй Шэнъи было крепкое здоровье, и после двух порций отвара жар спал. Он проспал до полудня тяжёлым, но спокойным сном.

Фан Наньшань за всю ночь глаз не сомкнул – он сидел у постели, пока температура не пришла в норму, и только под утро позволил себе немного вздремнуть.

Сейчас он сидел у изголовья, скрестив руки на груди, прикрыв глаза. В этой позе он напоминал спящего тигра.

Сюй Шэнъи молча наблюдал за ним.

Прошло много лет с тех пор, как кто-то сидел у его постели во время болезни. И много лет он не позволял себе проявлять слабость перед кем бы то ни было.

Что же случилось прошлой ночью? Почему он позволил себе так беспомощно разболеться?

Пока Сюй Шэнъи размышлял об этом, широкая ладонь легла ему на лоб.

— Проснулся? Тебе лучше?

Сюй Шэнъи кивнул:

— Пить хочу.

Фан Наньшань тут же вскочил за водой.

— Есть хочешь? Уже полдень скоро.

Сюй Шэнъи выпил тёплой воды, в горле стало полегче.

— А ты сам-то ел?

Фан Наньшань помог ему лечь поудобнее:

— Ты ведь болен был, какой тут аппетит.

Сюй Шэнъи улыбнулся:

— Ты ведь за раз съедаешь мой трехдневный рацион. К обеду-то проголодался, небось, зверски.

Фан Наньшань, видя, что муж уже шутит, спросил:

— Велеть принести чего-нибудь с кухни?

У Сюй Шэнъи аппетита не было, но он понимал, что Фан Наньшань наверняка голоден.

— Попроси мне миску жидкой рисовой каши, а себе возьми, что захочешь.

Фан Наньшань подоткнул ему одеяло и вышел.

Сюй Шэнъи смотрел на закрытую дверь, и в душе его росло чувство облегчения.

Как же хорошо, что в тот день он выбрал Фан Наньшаня. Хорошо, что тот оказался в городке именно в то время. Не вдаваясь в подробности, можно было сказать одно: Фан Наньшань – человек хороший. Даже очень.

Сюй Шэнъи слегка улыбнулся. Он подумал: «Если Фан Наньшань не поддастся на соблазны богатства или чужой красоты, прожить с ним вот так всю жизнь было бы неплохо. Пусть не будет пылких чувств, лишь бы он всегда был рядом».

<http://bllate.org/book/19020/1869923>